

НАТАЛЬЯ СПОСОБИНА

Много-
гранники

Young
Adult

МИО

МИФ Проза

Наталья Способина

Многогранники

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2022

УДК 82-311.2(470+571)

ББК 84(2Рос)6-443

Способина Н.

Многогранники / Н. Способина — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2022 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-195393-7

Светлый и добрый роман, который поднимает проблемы отцов и детей, дружбы, предательства, самопринятия, преодоления травм и комплексов. Что делать, если враг твоего лучшего друга становится для тебя кем-то особенным? Маша, девушка из простой семьи, учится в престижном столичном вузе. И хотя Маша не вписывается в блестящий мир «золотых деток», ее лучший друг Димка – один из них. Димка намеренно игнорирует однокурсников, предпочитая всем общество Маши. Когда в их группу переводится студент из Англии по имени Роман, это не только бросает вызов дружбе Маши и Димки, но и запускает цепочку событий, которые навсегда изменят жизни многих людей. Для кого эта книга • Для тех, кто любит трогательные и добрые истории. • Для поклонников романов Анны Джейн, Даны Делон, Лены Сокол. • Для тех, кому хочется почитать хорошую книгу современного российского автора. • Для тех, кто любит фанфик «Цвет надежды» и творчество Натальи Способиной. • Для тех, кто хочет поностальгировать и вспомнить свою юность.

УДК 82-311.2(470+571)

ББК 84(2Рос)6-443

ISBN 978-5-00-195393-7

© Способина Н., 2022
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2022

Содержание

Глава 1	10
Глава 2	21
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Наталья Способина

Многогранники

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

В тексте неоднократно упоминаются названия социальных сетей, принадлежащих Meta Platforms Inc., признанной экстремистской организацией на территории РФ.

© ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2022

© Текст, Наталья Способина, 2022

* * *

Глава 1

Ты – многогранник, и я – многогранник.

На экране телефона высветилось: «Ты скоростно скончалась».

Следом телефон пикинул во второй раз: «?»

Машу бесила Димкина привычка досылать знаки препинания отдельно. И Димка бесил. И помада, которая не желала выкручиваться. И мамино платье, которое оказалось ей впору, но немилосердно открывало острые Машины коленки, отчего их все время хотелось обтянуть подолом, но ткань не давалась.

– Мария, Димитрий звонит в домофон, – раздался мамин голос. – Ты скоро?

– Бли-и-ин, – простонала Маша и, схватив телефон, надиктовала: – Пять минут. Еще раз меня дернешь – убью.

Через секунду в ответ пришел ржущий смайлик.

Маша отступила на шаг от зеркала и, окинув взглядом свое отражение, попыталась утешиться мыслью, что не нравится она себе исключительно потому, что вообще не носит платьев. Утешение вышло слабым.

– Маш, ну ты тут до вечера будешь? – Мама заглянула в комнату.

– Да! – отрезала Маша, натягивая очередной бабушкин шедевр – кружевной жакет.

Мама была права: белый жакет отлично подошел к темно-серому платью, но это же все равно платье!

– Мам, ну посмотри на меня! – в отчаянии воскликнула Маша и неловко повернулась вокруг своей оси. Подол закрутился, открывая ноги еще сильнее. Маша его поймала и вновь попробовала прикрыть колени. – Ну куда мне платье?

– Машка, прекрати! У тебя прекрасные ноги. Иди уже, а то Волков твой там насмерть табаком отравится.

– А может, мне не идти? – Маша поплелась по коридору, неся мамины праздничные туфли за каблуки. – Крестовский был явно не в себе, когда раздавал приглашения. Он даже имени моего не помнит. Он это приглашение на мою парту по ошибке положил. А имя мое там тоже случайно написалось. Ма-а-ам!

Когда мама не ответила, Маша обернулась и увидела, что та стоит, засунув руки в карманы домашнего платья, и хмурится.

– Я совсем плохо выгляжу? – обреченно спросила Маша и, поставив туфли на пол, сунула в них ноги.

Мама помотала головой и, подойдя, поправила кулон на Машиной шее.

– Нет, ты у меня самая красивая. А Крестовский... Роман не пригласил бы тебя, если бы не хотел видеть.

Маша в очередной раз отметила, что мама произносит эту фамилию почти скороговоркой, будто хочет быстрее от нее отделаться и больше с ней не сталкиваться. Маша и сама была бы не прочь не сталкиваться ни с фамилией, ни с ее обладателем.

Мама повесила Маше на плечо сумочку, сунула в руки сверток с подарком и почти силой выставила ее за дверь.

Димка сидел на спинке скамейки и крутил в руках зажигалку. Увидев Машу, он спрыгнул на землю и шелчком отправил в урну недокурную сигарету. Маша в очередной раз попыталась обтянуть подол и почувствовала, что краснеет, особенно когда Димка окинул ее оценивающим взглядом.

– Прекрати! – прошипела Маша.

– Хочется выразить свой восторг нецензурно, – вынес вердикт Димка и, разглядывая Машины ноги, добавил: – Можно?

– Можно, – разрешила она. – Только про себя.

Димка усмехнулся и широким жестом указал на темно-синюю «ауди», припаркованную напротив подъезда. Водитель, заметив это, завел мотор. Маша поймала себя на мысли, что вновь хочет прикрыть колени. Вместо этого она оглянулась и отыскала взглядом окно с синими занавесками на пятом этаже. Мама, конечно, стояла там. Маша ей помахала, мама помахала в ответ. Димка проследил за ее взглядом и вежливо кивнул, почти беззвучно прошептав:

– Здравствуйте, Ирина Петровна.

Маша прыснула, а Димка простонал:

– Блин, нам же третью главу «Театра» к понедельнику?

Маша нервно рассмеялась и, забравшись в машину, сказала:

– Только не говори, что каждый раз при виде моей мамы ты вспоминаешь про домашку, которую все равно не будешь делать.

Димка захлопнул дверь и, откинувшись на сиденье, протянул ей жвачку. Маша помотала головой, тогда он закинул пластинку в рот и произнес:

– Ее домашние задания я делаю всегда. Не гони. Их ваще все делают. Попробовали бы не...

– Не такой уж она и монстр.

– Угу, – буркнул Димка и обратился к водителю: – Поехали.

Водитель молча кивнул, и машина тронулась. Маша вздохнула, понимая, что ей ведь еще предстоит подарок Крестовскому вручать.

– Чего вздыхаешь? – вдруг очень серьезно спросил Димка, повернувшись к ней.

Когда он смотрел вот так, прямо и внимательно, она почему-то всегда немного смущалась.

– Я не хочу ехать на этот праздник, – озвучила она то, что так и не решилась сказать маме.

Димке сказать об этом оказалось гораздо легче. Ведь именно он был причиной этого нежелания.

– Почему? – все так же серьезно спросил Димка и тут же предупредил: – Только не ври, что исключительно из солидарности со мной.

Маша окинула Димку внимательным взглядом. В институт он ходил в джинсах и толстовках, поэтому видеть его сегодня в костюме было жутко непривычно. Немного примирило с реальностью то, что темные волосы, как всегда, торчали в разные стороны, будто Димка только отлепился от подушки.

– Потому что я буду там чувствовать себя душой.

– Почему? – Димка наклонился к ней, впиваясь взглядом в ее лицо.

– Дим, ну ты же сам все понимаешь. Где я, а где вся наша группа?

– Ты со мной в машине, а группа... – Димка бросил взгляд на массивные часы на запястье, – уже явно на яхте.

– Не придуривайся! – нахмурилась Маша, а когда Димка насмешливо поднял бровь, прошипела: – Потому что я в мамином платье, потому что в первый раз на этих дурацких каблучках! Выгляжу идиоткой, чувствую себя так же.

Маша зло откинулась на сиденье и вновь потянула подол, стараясь прикрыть колени.

Димка наклонился вперед и внимательно посмотрел на ее туфли.

– Ну да. Нелегко, наверное, – посочувствовал он, а когда Маша прищурилась, добавил: – Хватит гнать, Машка! Ничего не понимаю в платьях, но тебе, по-моему, идет.

– Там все будут на стиле, при макияже. Шилова будет блистать...

Машка запнулась, когда поняла, что выдала Димке настоящую причину своего беспокойства. Она прекрасно понимала, что не была ровней девушкам из своей группы. Те прово-

дили новогодние каникулы, катаясь на сноубордах в Альпах, ездили в языковые лагеря, могли отпраздновать день рождения в Париже, как Шилова в прошлом году. Маша убеждала себя, что ее это не задевает, но как же трудно было смириться с реальностью, которая заключалась в том, что Маши в их мире не было, потому что лето она проводила на даче, а на сноуборде стояла один раз в жизни, и то потому, что Димка вытащил ее на базу в Подмосковье. Димка, в сущности, был единственной точкой соприкосновения ее мира с миром ее одногруппников. Он сам был из их мира. Только по неведомой ей причине презирал все то, что они ценили, порой делая это чересчур демонстративно. К слову сказать, если бы не Димка, одногруппники ее вряд ли бы вообще замечали. Но извечное стремление хороших девочек к плохим мальчикам делало свое дело, и порой ухоженные красавицы, окутанные ароматами дорогого парфюма, подсаживались к Маше и пытались выяснить что-нибудь о ее единственном друге. Это всегда были очень неловкие моменты.

После слов про Шилову уголок Димкиной губы дернулся, а сам он снова откинулся на спинку сиденья и отвернулся к окну. Маша дико не любила такие перепады его настроения. Это означало, что он взвинчен, а значит, может опять что-то выкинуть.

– Ну прости, что я такая мнительная дура, – примирительно произнесла она, думая, что для Андрея – Димкиного водителя – каждая их поездка похожа на бесплатный цирк.

Димка провел рукой по волосам, взъерошив челку, и вновь повернулся к ней:

– Ты реально считаешь себя хуже пассии Крестовского?

Теперь отвернулась Маша, понимая, что спор зашел в тупик. Она считает. Димка – нет. Шилова крутилась вокруг него весь первый семестр в прошлом году, пока к ним в группу не появился Крестовский. Димка его сразу невзлюбил. Маша сначала решила, что из-за Шиловой, которая забила на игнорировавшего ее заигрывания Димку и переметнулась к новенькому, но потом поняла, что дело в чем-то другом. Слишком незамутненно Димка не переваривал блистательного Крестовского.

До пристани доехали в молчании. Димка посматривал на часы, будто боялся опоздать – хотя на Машиной памяти его никогда не волновали такие вещи, – иногда тер висок, из чего Маша заключила, что его бессонница опять вернулась, а с ней – и мигрени, которые почти не снимались лекарствами; и все это вкупе с самим праздником предвещало ей отвратительный вечер.

Настоящую яхту Маша видела вблизи в первый раз. Она возвышалась у причала, а на ее темно-синем глянцево-боку красовалась надпись «Рене». Похоже, ждали только их, потому что на причале больше никого не было, и, судя по звукам, доносившимся с яхты, веселье там уже началось. Если бы Маша собиралась чуть быстрее, они бы с Димкой успели затеряться среди прочих гостей.

Димка похлопал себя по карманам, будто хотел закурить, и при этом едва не уронил подарок.

– Что ты даришь? – спросила Маша вполголоса, стараясь не смотреть на яхту.

Димка, нашедший наконец зажигалку, рассеянно на нее оглянулся:

– Самолет. А ты?

– Самолет? – Маша посмотрела на коробку средних размеров, которую Димка прижимал локтем к боку.

– Крестовский коллекционирует самолеты. Причуда такая.

– Надеюсь, не настоящие, – усмехнулась Маша.

Димка шутку не поддержал, что было для него нехарактерно. Молча протянул ей руку, помогая перешагнуть через цепь, ограждавшую пристань. Маша боялась поднять взгляд на яхту, зная, что оттуда они с Димкой видны как на ладони, при этом ни один из них даже не делает вид, что торопится.

– А у меня Акرويد. Shakespeare: The Biography.

– Узнаю руку Ирины Петровны, – наконец улыбнулся Димка.

– Ну не самой же мне было придумывать подарок. Я же его совсем не знаю. Кстати, а как ты узнал про самолеты?

Осведомленность Димки о вкусах Крестовского в самом деле стала для Маши неожиданностью. Но услышать ответ ей было не суждено, потому что с яхты раздался мужской голос:

– Ну наконец-то! А я уже все телефоны Сергею оборвал!

Маша задрала голову и с удивлением увидела рядом с Крестовским высокого мужчину. То, что это Крестовский-старший, не вызывало сомнения. Они были удивительно похожи с сыном. Те же каштановые волосы, те же карие глаза и улыбка совсем как у Крестовского.

– Здрасьте, дядь Лёв, мы в пробку попали, – нагло соврал Димка и, бесцеремонно схватив Машу за руку, потащил ее по трапу.

Маша растянула губы в вежливой улыбке, пытаясь сообразить, что сейчас произошло. «Дядь Лёв?»

Димка ступил на палубу первым и тут же оказался в объятиях Крестовского-старшего.

– Димыч! Вымахал-то как! – произнес мужчина, крепко прижав Димку к себе и вздохнув тому волосы на затылке.

Маша впервые заметила, что Димка правда почти догнал ростом Крестовских.

– А это?.. – вопросительно приподнял брови отец Крестовского.

– Это Мария, моя девушка.

Маша едва не поперхнулась воздухом от неожиданности, однако улыбаться не перестала.

– Добро пожаловать, Мария! Очень рад знакомству. Лев.

– А отчество? – невпопад ляпнула Маша, хотя собиралась всего лишь сказать «очень приятно».

Лев расхохотался и хлопнул Димку по плечу, будто нашел Машину реплику невозможно забавной.

– Просто Лев.

– Даже стареющий Лев остается львом, – пробормотал Димка, и Маше показалось, что Крестовский-младший одновременно с ним закончил эту фразу.

Лев же посмотрел на Димку, потом на сына, после чего крепко обнял Димку еще раз и произнес:

– Спасибо, что пришел. Отдыхайте.

Он улыбнулся Маше и поспешил вглубь яхты, откуда секунду назад послышался визг.

– Поздравляю, – не глядя на Крестовского, сказал Димка и ткнул тому подарком в живот.

Крестовский, вероятно, этого ожидал: с легкостью перехватил коробку и ровным голосом сказал: «Спасибо». Димка расправил плечи и ушел вслед за Львом, бросив Машу одну.

– Ну что, Роман Львович, трогаемся? – весело уточнил подошедший мужчина в таких белых футболке и брюках, что Маша невольно отвела взгляд. На ярком солнце смотреть на это было невозможно.

– Да, спасибо, – отозвался Крестовский и протянул руку Маше.

Та уставилась на его руку. Повисла неловкая пауза.

– Для того чтобы мы могли отчалить, нужно убрать трап, а на нем стоишь ты, – пояснил Крестовский, и Маша почувствовала, что краснеет еще сильнее, хотя, казалось бы, куда уж больше.

Она неловко положила на протянутую ладонь подарок и поднялась на борт, проклиная свое неумение общаться с людьми. Ну подумаешь, Крестовский. Обычный человек ведь. Чего она так дергается?

– Спасибо, – невозмутимо произнес Крестовский и указал рукой с Димкиным подарком в сторону лестницы.

Однако не успела Маша сделать и шага, как по ступенькам спустилась Шилова. Вот уж кого Маша хотела сегодня видеть меньше всего. Даже меньше именинника.

– Рома, ты где? Там без тебя не начинают.

Голос у Шиловой был низкий и сиплый. Маша поначалу думала, что дело в чрезмерном курении, а потом случайно узнала, что Юлю неудачно прооперировали, повредив связки. Об этом свидетельствовал тонкий шрам над загорелыми ключицами. Маша очень пожалела, что узнала правду, потому что не любить Шилову стало сложнее.

– Привет, а ты без Волкова? – спросила Шилова, заметив Машу.

«А ведь Димка по-прежнему интересен Шиловой», – подумала Маша, вслух же сказала:

– Привет. С Волковым, просто он уже там. – И покосилась на Крестовского.

Тот разглядывал Димкин подарок так, будто пытался угадать, что там. Кажется, будь в нем поменьше воспитания, он бы уже тряс коробкой возле уха.

Шилова убрала с лица прядь длинных светлых волос, звякнув браслетом. Маша отметила, что зря так волновалась, ожидая вечерних нарядов. На Шиловой было довольно простое белое платье и белый же кардиган. Сидело все, конечно, безупречно, но с Шиловой всегда так. Говорили, что все ее вещи шьются на заказ. Девочка, запрятанная глубоко внутри Маши, немного этому завидовала. Особенно сейчас, когда на ней было мамино платье и связанный бабушкой жакет.

– Ух ты! – Шилова спустилась с последней ступеньки и неожиданно ухватила Машу за полу жакета. – Какая винтажная штучка. Где купила?

Маша перевела нервный взгляд на Крестовского, который перестал изучать подарок и смотрел теперь на Машин жакет. По его лицу, как обычно, было непонятно, о чем он думает. Маша сжала челюсти и посмотрела на Шилову, ожидая насмешки, однако та выглядела вроде бы даже заинтересованной.

– Бабушка связала, – с вызовом ответила Маша.

– Круто. А моя бабушка не вяжет, – в голосе Шиловой прозвучало подобие сожаления.

– Сочувствую, – процедила Маша, так и не определившись, издевается Шилова или нет.

Хотелось плюнуть на все и пойти домой, но яхта со странным именем «Рене» уже отошла от берега.

– Идемте! – Шилова первая поднялась по ступеням.

Крестовский – черт бы побрал его воспитание! – не двинулся с места, и Маше пришлось идти за Шиловой, думая о том, что Крестовский поднимается за ней, а она в платье, и у нее тощие ноги, а заодно бесится, недоумевая, с чего ее вообще это волнует.

На верхней палубе было многолюдно. Маша негромко поздоровалась, несколько человек даже услышали и ответили. Крестовский протиснулся мимо застывшей Маши, слегка задев ее плечом и вежливо извинившись. Маша вдруг поняла, что за сегодняшний день Крестовский сказал ей больше слов, чем за все время совместной учебы.

Предатель Димка отыскался быстро. Он стоял со Львом у противоположного борта спиной к остальным. Отец Крестовского обнимал Димку за плечи и что-то ему говорил. Маша не решилась их побеспокоить. Вместо этого осмотрелась.

Обнаружив в первый учебный день на своей парте приглашение на день рождения Романа Крестовского, она решила, что это какая-то шутка. Однако на открытке с черно-белой фотографией яхты «Рене» почерком Крестовского было написано ее имя. Только заметив такие же приглашения у остальных одноклассников, даже у Костика, которого все обходили стороной из-за его жуткой привычки грузить собеседников бесконечными теориями заговора, Маша успокоилась. Крестовский просто пригласил всю группу. Это было немного странно, потому что сам он почти ни с кем не общался. Разве что с Шиловой и ее подругами. Вообще их группа была на редкость недружной. Не было даже намека на студенческое братство, о котором так мечтала Маша. Раньше ей казалось, что стоит вырваться из школьных стен, где к ней намертво

прицепилась репутация зубрилы, как все сразу изменится. Она думала о студенческих вечеринках, о друзьях, с которыми у нее будут общие интересы: ведь не зря же они выбрали одну специальность, – но жизнь быстро показала, какой наивной душой была Маша Рябинина.

Мама была против поступления Маши в этот вуз, хотя сама оканчивала именно его и уже больше десяти лет там преподавала. Она уверяла, что Маше никогда не стать своей в этой среде. Но Маша, очень гордившаяся мамой, приехавшей в свое время из маленького городка в столицу и сумевшей безо всяких связей поступить в престижный вуз на бюджет, хотела повторить ее успех. Да и, по правде сказать, на платное отделение денег в их семье все равно не было. Несмотря на статусность вуза, зарплата у мамы была весьма средней. Что уж говорить об отце, служившем скрипачом в театральном оркестре?

Поначалу Маша была уверена, что все же сумеет найти друзей, для которых достаток ее семьи не будет иметь значения. Отчасти эта наивность подогревалась появлением в ее жизни Димки, которому было совершенно наплевать на всю ту шелуху, которой заполняли свои «инстаграммы» золотые детки.

Но реальность подтвердила мамину правоту. Никто из одноклассников Машу специально не унижал, однако она чувствовала разницу в их стиле жизни буквально кожей. Ей отчаянно хотелось быть выше обид и мелочной зависти, но не получалось. Особенно при взгляде на ту же Шилову, которой до Маши не было никакого дела. Например, сейчас та, цепляясь за локоть Крестовского, сняла туфлю, что-то из нее вытряхнула и вновь надела, не переставая о чем-то рассказывать стоявшим рядом подружкам. И вышло у нее это так естественно и красиво, как Маше никогда не повторить.

– О, Рябинина!

Мысленно застонав, Маша повернулась к Костику, приготовившись слушать очередную теорию. Судя по румянцу на щеках и блестящим глазам, тот уже успел выпить. Маша вздохнула и, стараясь не терять из поля зрения Димку, выпала из жизни на ближайшие сорок две минуты. Заткнулся Костик, только когда всех пригласили спуститься к столу. До этого, кажется, были какие-то конкурсы. И, кажется, Крестовский даже позорно проиграл в какой-то викторине на знание отечественного кинематографа. Еще бы. Он, небось, в своей Англии и фильмов-то русских не смотрел.

Маша вместе с Костиком направилась к лестнице, возле которой стоял именинник, дожидаясь, пока гости покинут палубу. Димки уже не было. Поскольку Лев явно взял над ним шефство, Маша решила, что можно выдохнуть. Вряд ли в ближайшее время Димка что-нибудь учудит.

У Крестовского зазвонил телефон, и он, ответив, затарахтел на английском с такой скоростью, которой Маша в нем и не подозревала, – обычно он говорил спокойно и неторопливо, чем ее тоже раздражал. Сама она говорила быстро, часто даже не успевая подумать.

Костик, проходя мимо Крестовского, фамильярно хлопнул того плечу, на что в обычном своем состоянии вряд ли бы решился. Однако Крестовский отреагировал вполне адекватно, улыбнулся и, не прекращая разговора, хлопнул Костика по плечу в ответ. Маша же неожиданно для самой себя остановилась и принялась разглядывать не обращавшего на нее внимания именинника.

Он был высоким. Выше Димки. Кажется, занимался каким-то спортом, потому что на физкультуре в командных играх был одним из лучших. Если бы они хоть раз попали с Димкой в одну команду, у соперников не осталось бы шансов. Но они принципиально оказывались по разные стороны, и каждая игра выливалась в нешуточное противостояние. Особенно в контактных видах спорта. В результате кто-то из них обязательно оказывался с содранными локтями или коленями и даже порой с разбитым носом. Чаще всего это был Крестовский. Поначалу Маша думала, что это потому, что Димка спортивней и сильней, а потом поняла, что в Димку будто кто-то вселялся, стоило Крестовскому оказаться поблизости. Крестовский

тоже вел себя странно. За столько месяцев он ни разу не врезал Димке за провокации, просто изредка тоже сбивал его с ног и не помогал подняться. Однажды Крестовский особенно сильно сбил Димку и даже протянул ему руку, но Димка по протянутой руке ударил, на том и разошлись.

Димка вопросы о Крестовском игнорировал, а с самим Крестовским Маше даже в голову не пришло бы заговорить, поэтому она смирилась с тем, что так ничего и не узнает. А сегодня вдруг оказалось, что отец Крестовского не просто знаком с Димкой, а явно очень хорошо к нему относится. Маша пообещала себе, что не отстанет от Димки, пока не докопается до правды.

Крестовский наконец обернулся, заметил Машу, тут же извинившись перед собеседником, прервал разговор и засунул телефон в карман светло-серых брюк. Некоторое время он безо всякого выражения смотрел на Машу, а потом произнес:

– Все внизу.

– Я знаю. Просто любовалась видом.

Крестовский рассеянно оглянулся и провел рукой по волосам. Налетевший ветер заставил Машу поежиться и запахнуть жакет. Крестовский тоже втянул голову в плечи. Тонкая рубашка с коротким рукавом вряд ли спасала его от холода.

– Ты спускаешься или побудешь здесь? – обратился он к ней и, не дождавшись ответа от впавшей в ступор Маши, добавил: – Я могу попросить официанта накрыть тебе ужин на палубе.

– Для одной меня? – искренне удивилась Маша.

– Можно для одной, можно с... Волковым. Как хочешь.

Перед Димкиной фамилией Крестовский чуть запнулся. Маша же в очередной раз поразила различию в их мирах. Он вот так, просто, предлагал напрямч обслуживающий персонал, чтобы организовать еще один мини-банкет.

– Ты не обязана идти ко всем, если тебе там некомфортно, – добавил Крестовский.

Маша посмотрела на его лицо, стараясь понять, не шутит ли он. Однако он выглядел вполне серьезным. И немного замерзшим.

– Нет, я... спущусь, – решила Маша и прошла мимо него к лестнице, думая о том, что странным образом Крестовский умудрился заметить, что ей некомфортно, хотя ей всегда казалось, что он и имени-то ее не помнит.

На середине лестницы она внезапно остановилась и, быстро развернувшись, выпалила:

– Ты хоть знаешь, как меня зовут?

Не ожидавший этого Крестовский затормозил и ухватился обеими руками за поручни. Несколько секунд он смотрел на Машу сверху вниз, а потом медленно и четко произнес:

– Рябинина Мария Юрьевна.

– Ах да! Ты же подписывал приглашения, – произнесла Маша, пряча за раздражением неловкость.

Зачем она это спросила? Можно подумать, ей не все равно. Вот только в голове билась мысль, что отчества в приглашении не было. И фамилии – тоже.

Чувствуя себя полной дурой, Маша сбежала по лестнице, быстро прошла в ту часть салона, где был накрыт стол, и плюхнулась на свободное место рядом с Димкой.

Крестовский занял место во главе стола. По одну руку от него сидел Лев, по другую – Шилова.

Поскольку ведущий, мучивший всех конкурсами наверху, на время утомился, а сам именинник не требовал внимания к своей персоне, разговор за столом распался на отдельные беседы. Маша повернулась к Димке и невольно нахмурилась. Она ожидала, что после разговора со Львом, которого Димка явно хорошо знал и которому вроде бы даже обрадовался, настроение у друга улучшится, однако тот встретил ее хмурым взглядом.

– Ты зачем там с Крестовским оставалась?

В голосе Димки послышалась едва сдерживаемая злость.

– Где «там»?

– На палубе! Костик спустился, а ты осталась.

– Дим, ты что? – искренне удивилась Маша. – Крестовский разговаривал по телефону, а я просто смотрела на окрестности. Я первый раз на яхте.

– С кем он разговаривал? – наклонившись к самому ее уху, спросил Димка.

– Да я откуда знаю? – шепотом возмутилась Маша. – Он тарыхтит на английском как пулемет.

Димка резко от нее отодвинулся и, схватив стоявший перед ним стакан, залпом его осушил. Маша поморщилась. Он обещал сегодня не пить, но, кажется, все пошло не по плану.

– Это сок. Не надо на меня так смотреть! – не поворачиваясь к ней, процедил Димка.

– Хорошо, – ответила Маша и положила себе первый попавшийся салат.

Подцепив вилкой креветку, она невольно бросила взгляд на именинника. Тот, наклонившись к столу, внимательно слушал Валерку, который сидел от него через пару человек. Когда находящаяся между ними Шилова начала смеяться какой-то шутке Льва, Крестовский-младший поморщился и склонился еще ниже, рискуя испачкать свою пижонскую рубашку. Наконец он рассмеялся и, помотав головой, что-то ответил Валерке, а Маша вдруг поймала себя на мысли, что, возможно, Крестовский почти не общается ни с кем не из-за снобизма. Разве стал бы сноб сейчас так внимательно и сосредоточенно слушать Валерку – второго после Маши ботана в группе?

– Хватит уже любоваться, а, – раздраженно буркнул Димка, и Маша, вздрогнув, отвела взгляд.

– Я не люблюсь, – спокойно ответила она. – Просто вдруг подумала, что ему сложнее говорить на русском, чем на английском. Он же много лет там прожил, кажется, да?

– Он там родился, – неожиданно ответил Димка и, прижав пальцем столовый нож, стал возить им по скатерти.

Значит, они вправду давно знакомы. Но откуда тогда столько злости?

Маша накрыла ладонью Димкину руку, пока он не снес посуду со стола, и, наклонившись, прошептала, повторяя слова Крестовского:

– Ты не обязан здесь быть, если тебе некомфортно. Мы можем уйти.

О том, что Крестовский предлагал организовать им столик на двоих, Маша решила благоразумно умолчать.

Димкина рука под ее ладонью замерла, а сам он поднял голову и посмотрел на нее в упор. Он успел снять пиджак, и его глаза, оттененные голубой рубашкой, приобрели какой-то фантастический сине-зеленый оттенок. Маша подумала, что, пожалуй, Шиловой есть отчего вздыхать, несмотря на наличие Крестовского под боком. Все-таки у Димки была яркая внешность. Пожалуй, даже слишком.

Внезапно она почувствовала, что за ними кто-то наблюдает, и бросила взгляд на дальний край стола. Крестовский тут же отвернулся. Димка же наконец отмер и, взяв Машу за руку, потащил ее прочь из салона.

На верхней палубе гулял ветер, и выбежавшему без пиджака Димке наверняка было холодно. Маше – точно было. Но она молча куталась в жакет, гадая, что случилось на этот раз.

– Ты говоришь, в первый раз на яхте? – громко спросил отошедший к самому борту Димка.

Маша кивнула, хотя было понятно, что ответа от нее не требуется.

– Ну, тогда смотри.

Димка быстро подошел к ней и, схватив за плечи, развернул в сторону носа:

– Яхты бывают парусные и моторные. «Рене» – моторная. Вон там кокпит. На главной палубе салон, который мы так невежливо покинули. По отдельным трапам можно спуститься к гостевым каютам. Хочешь, покажу?

Он резко развернул Машу к себе, отчего она едва не упала.

– Разгоняется, насколько я помню, до двадцати пяти узлов. Хотя могу врать. – Димка был похож на экскурсовода, только очень нервного.

– Дима, – позвала Маша, касаясь дрожащей рукой его холодной щеки, – что случилось?

– Левый борт, – вместо ответа объявил Димка, отпуская Машины плечи, и добавил, указав на диванчик: – И место для коктейля.

Он подошел к дивану и остановился у него, словно не решаясь сесть. А потом вдруг рванул к борту и, одним махом запрыгнув на него, уселся лицом к Маше. Машино сердце замерло.

– Слезь, пожалуйста. Ты можешь упасть.

Димка отклонился назад, держась руками за борт, и Маша едва не заорала. Он же, вывернув шею, посмотрел вниз.

– Вода ледяная, – попыталась воззвать к его разуму Маша.

– Я не упаду в воду. Там нижняя палуба.

– Дима, хватит! – крикнула Маша, однако подойти не решилась.

– Моя мама обожала «Рене». Она помогала дяде Лёве все здесь обустроить. И вот это место для коктейля было ее любимым.

Маша невольно шагнула вперед, но снова замерла, опасаясь приближаться. Димка никогда не говорил о родителях. Напрасно сгоравшие от любопытства одногруппницы вроде Шиловой пытались выспросить у Маши подробности. Она их просто не знала. Знала лишь, что он живет с дядей и младшей сестрой, которая находится на домашнем обучении и сутками зависает в интернете, почти не выходя в реальный мир. Димка в реальный мир выходил, но иногда совершенно не мог в нем находиться. Как сейчас.

– Расскажи, если хочешь, – предложила Маша, делая еще один осторожный шаг вперед.

Димка помотал головой и качнулся назад. Маша невольно вскрикнула.

– Обними меня, – вдруг попросил он, и она бросилась вперед, едва не упав на дурацких каблуках.

Крепко обхватив его за плечи, Маша подумала, что, если он сейчас отклонится, они упадут оба, потому что он больше не держался за борт – он изо всех сил держался за нее. Но ей почему-то не было страшно. Все казалось каким-то ненастоящим.

Димка прерывисто дышал ей в шею, будто старался сдержать слезы, и Маша чувствовала, как ее накрывает невыносимым сочувствием. У нее были мама и папа. У Димки же – только память.

Вдруг кто-то резко навалился на Машино плечо, и Димка, потеряв равновесие, начал заваливаться назад, увлекая Машу за собой. Однако не успела она толком испугаться, как этот кто-то обхватил их обоих за плечи и втащил обратно на палубу. Нога на дурацком каблуке подвернулась, и, если бы ее не держали сразу две пары рук, Маша точно упала бы.

Выпрямившись, Маша оглянулась на того, кто держал их мертвой хваткой. Лев Крестовский кривил губы в улыбке, но в его глазах притаился испуг.

– Димыч, у меня послание от Петра Васильевича. Он настоятельно просил не марать палубу ничьими мозгами.

– И не собирался, – буркнул Димка, отворачиваясь, но Маша успела увидеть, что щеки его блестят.

– А, ну он, значит, понял неправильно. В наше-то время с девушками так экстремально не обнимались, сам понимаешь. Отстали мы от вас, горячих парней.

Крестовский говорил весело, но Димкино плечо не отпуская.

– Дядь Лёв, да отпустите вы. Не прыгну я. Я ж не идиот.

– Ну и славно, что не идиот. Пойдем в каюты спустимся. Отдохнешь, в себя придешь.

– Да в себе я! – Димка вывернулся из-под руки Крестовского и направился к лестнице, ведущей в салон.

Маша медленно выдохнула и потеряла лицо ладонями, чувствуя, что ее начинает запоздало колотить от испуга.

– Сложный тебе мальчик достался, – проговорил Крестовский, глядя вслед Димке. – Три года, а все никак...

Достав пачку сигарет, он открыл ее и протянул Маше. Та помотала головой и обхватила себя за плечи. Она не знала, как теперь быть с Димкой. Подозревала, что у его срывов должна быть причина, знала, что он встречается с психологом, но в душу никогда не лезла, а вот сегодня вдруг поняла, что зря она была так нелюбопытна. Может быть, смогла бы что-то сделать, и Димку так не коржило бы сейчас.

Лев затыкнулся и, отвернувшись к борту, оперся на него локтями. На Машу он больше не смотрел, и Маша решила оставить его в одиночестве.

В салоне было шумно. Звенела посуда, играла музыка, кто-то танцевал. Димка держал в руках пока еще закрытую банку с пивом и смеялся над словами Шиловой. Маша не стала подходить. Прислонившись к стене, она прикрыла глаза.

Кто-то легонько коснулся ее плеча, и Маша, вздрогнув, открыла глаза, чтобы встретиться взглядом с возвышавшимся над ней Романом Крестовским. Он выглядел обеспокоенным.

– Волков в норме? – спросил он, наклонившись к ней, чтобы быть услышанным.

Маша честно пожала плечами. Она вправду не знала, в норме ли Димка, справился ли он с собой или только делает вид. Крестовский кивнул и отправился на зов Шиловой. При его приближении Димка ретировался, однако направился не к Маше, а к одной из подружек Шиловой, по пути открывая банку с пивом. Маша подумала, что вскоре начнется «веселье», и не ошиблась.

Следующие два часа сидевшая на диване Маша размышляла о том, что сборище богатых деток в подпитии ничем не отличается от ее бывших одноклассников на выпускном или тех подростков в деревне, с которыми она изредка ходила на дискотеку в небольшой сельский клуб. Костика рвало за борт, и добрый официант то и дело подавал ему влажное полотенце и гладил по спине. Димка накачался пивом, и до Маши время от времени долетал его неестественно громкий смех, которому вторило хихиканье подвыпивших однокурсниц. Шилова рыдала в углу, а присевший перед ней на корточки Крестовский тщетно пытался ее успокоить. Если бы Машин день рождения закончился вот так, она бы неделю из комнаты от стыда не показывалась. Но остальных это, похоже, на заботило. Даже Лев Крестовский, который, казалось бы, должен был являться оплотом здравого смысла и уберегать подростков от всего этого, выглядел вполне довольным жизнью: о чем-то болтал с Димкой, танцевал с успокоившейся наконец Шиловой, шутил, смеялся. Будто он был здесь именинником. Сам именинник ходил среди гостей с нейтрально-вежливым выражением лица, и было совершенно непонятно, что он думает о стадии, в которую перешло посвященное ему торжество.

Димка куда-то пропал с Мокровой, а Маша, у которой жутко разболелась голова, выбралась на палубу и устроилась на любимом диванчике Димкиной мамы, закутавшись в лежавший здесь плед. Глядя на береговые огни и слушая отголоски веселья внизу, она думала, что мама была права, повторяя ей, что она никогда не сможет влиться в мир ее нынешних одногруппников. В их мире звучала музыка, пахло сладковатым дымом вишневых сигарет, лилось шампанское...

Появившийся из темноты официант молча зажег свечку в стеклянном фонаре и закрепил его на столе. Так же молча поставил перед Машей блюдо с закусками и бокал шампанского. Маша поблагодарила, не решившись спросить, его ли это инициатива или Крестовский все же

организовал ей уединенный столик. Дорогое шампанское ударило пузырьками в нос так же, как и дешевое, и Маше сразу вспомнились и Димкин срыв, и нервно курящий Лев Крестовский, и слезы Шиловой. Вздыхнув, Маша прикрыла глаза.

Разбудил ее все тот же официант. Он выглядел усталым, но не перестал вежливо улыбаться.

– Мы причадили, – объявил он.

Маша сонно поморгала и завертела головой. Они вправду стояли у пристани. Внизу по-прежнему играла музыка и слышались голоса. Маша поблагодарила официанта, отыскала свалившуюся туфлю и побрела на выход, размышляя о том, что официант ненамного старше ее. Интересно, о чем он думает, обслуживая подобные мероприятия?

Гости уже покинули салон, и персонал приступил к уборке. Маша отыскала свою сумочку, проверила заряд телефона и обратилась к девушке, собиравшей со стола бокалы:

– А все уже ушли?

Та дежурно улыбнулась в ответ:

– Да, вы последняя. На пристани ждет микроавтобус.

Зайдя в автобус, Маша едва поборола желание запечатлеть на телефон чудную картину: утомившиеся одноклассники так живописно распластались по сиденьям, что грозили войти в топы на «Ютьюбе».

Справившись с недостойным порывом, Маша прошла по салону и вдруг поняла, что Димки нет. Мокровой не было тоже, но это ничего не значило: та могла уехать с Шиловой.

Маша мысленно застонала. Куда делся этот придурок?

– Простите, – обратилась она к водителю, – а вы не видели, синяя «ауди» не забирала молодого человека? Модель я не помню.

– А человек был особой модели? – серьезно спросил водитель, но, увидев, как Маша потеряла висок, решил сжалиться: – Все здесь, кроме уехавших на хозяйских машинах.

– А кто на них уехал? – чувствуя себя душой, все же уточнила Маша.

– На одной уехал Лев Константинович, на другой – Роман с девушкой.

– С одной? – уточнила Маша, думая о Мокровой.

– А это важно, сколько девушек увез к себе именинник? – все с тем же серьезным лицом откликнулся водитель.

– Да я не об этом! – возмутилась Маша и все же спросила: – А Лев Константинович парня такого в голубой рубашке не забирал?

– Я видел только его.

Маша мысленно застонала, поняв, что Волков, кажется, умудрился остаться на яхте, и неизвестно, в каком он состоянии. Злясь на Волкова, нарушившего свое обещание не надираться и бросившего ее в итоге одну, Маша с тоской поняла, что все равно не сможет его здесь оставить. Вот такая она дура.

Глава 2

Мы потерялись в себе и в пространстве.

Алкоголь действовал на Юлу нестандартно. Она начинала плакать. Даже не плакать – рыдать, с причитаниями, признаниями в том, что она никчемная и жизнь не удалась, что родители развелись, а ей не оставили выбора, что она ненавидит себя слабую и чтобы «не смели на нее смотреть». И еще кучей всего в том же ключе. Роман половину из ее слов не понимал, потому что связки в такие моменты у Юлы заклинивало окончательно, и всхлипы переходили в невнятный сип. От этого ее накрывало еще больше.

Роман не любил, когда Юла выпивала, потому что каждый раз ему становилось жутко ее жалко, а помочь он никак не мог. Оставалось лишь ждать, когда она наконец прорыдается и уснет. Впрочем, случались подобные срывы нечасто. К счастью, сегодня стадия «весь мир – черная дыра, в которую нас засасывает одного за другим» довольно быстро перешла в следующую: «кажется, я сплю». Теперь Юла сопела на пассажирском сиденье, укрытая его пиджаком, а сам Роман медленно катил по безлюдным улицам, чувствуя себя весьма неуверенным участником правостороннего движения.

Он получил права год назад в Британии. Вот только примерно в то же время в его семье все пошло наперекосяк, в результате чего он оказался в заснеженной Москве, в которой его ждало правостороннее движение и еще восемь месяцев – по местным законам – до официального разрешения водить машину.

Юла всхрипнула рядом и тоненько захныкала. Роман вздохнул и положил ладонь на ее колено, успокаивающе поглаживая. Юлу было жалко до кома в горле. Ведь он как никто ее понимал. Навигатор сообщил, что до места назначения осталось двести метров, и Роман позволил себе выдохнуть. Это славно, что Юла спала. Он бы не хотел, чтобы она видела, какой он фиговый водитель.

Вытащить девушку из машины оказалось непосильной задачей. Пришлось звонить Петру Сергеевичу – Юлькиному водителю. Роман до этого сообщил ему, что сам отвезет Юлю, на что Пётр Сергеевич лишь усмехнулся и сообщил, что дождется их возвращения в лобби жилого комплекса. Роман немного удивился, но время показало, что опытный в вопросах доставки девушек с вечеринок водитель был прав: его помощь пригодилась.

Двоем они вытащили сопротивлявшуюся Юлу из машины. Пётр Сергеевич придержал дверь, подобрал свалившиеся с Юльки туфли и даже глазом не моргнул, когда Юля начала говорить весьма смущающие вещи. Роман отметил, что его собственное отражение в сверкающем зеркале лифта изрядно покраснело, а Пётр Сергеевич – ничего, закаленный мужик.

Перед дверью квартиры Роман засомневался, уместно ли звонить, но добиться от Юлы ответа, есть ли у нее ключ, оказалось нереальным. Пришлось жать на кнопку звонка.

Дверь открыли почти сразу.

– Здравствуйте, Жанна Эдуардовна, – вежливо произнес Роман и слегка подтолкнул коленом сползавшую с рук Юлу.

– О времена, о нравы! – хорошо поставленным голосом продекламировала бабушка Юли, «та самая, которая не вязала», вдруг нестати вспомнил Роман, и отступила, впуская их внутрь.

Она явно еще не ложилась. На бархатный халат была накинута теплая шаль, очки поблескивали оправой, а прическа выглядела так, будто Жанна Эдуардовна только что вышла из гримерной перед вечерним спектаклем.

– Пётр, спасибо, вы свободны. Завтра вы нам не понадобятся, – произнесла она и заперла дверь за вошедшим Романом.

Юла весила килограммов пятьдесят. Ерунда, конечно, но когда висела вот так, безжизненным телом, становилось по-настоящему тяжело, и руки ощутимо затекали.

– Спасибо вам, Роман, за то, что доставили сие сокровище. И именно на этот адрес, а не на свой.

Роман неловко кашлянул. Юлькина бабушка так строила свою речь, что разговаривать с ней было сложно. Спасала Романа только ее безупречная дикция и еще то, что она говорила довольно медленно. Иначе он бы и половины ее речи не понимал. Очевидно, актриса и в самом деле бывшей не бывает, как сказала когда-то Юла.

– Ну, извольте отнести в опочивальню.

Роман не смог сдержать улыбки и, сбросив ботинки, потащил Юлу по длинному коридору. Стоило уложить ее на кровать, как она ухватила его за руку и сонно пробормотала:

– Ромусик, ты же останешься?

– Конечно, – соврал Роман, невольно поморщившись от прозвища, которое порой про- скальзывало у Юлы в моменты игривости.

Он укрыл Юлку теплым пледом, зажег лампу на прикроватной тумбочке и, проведя рукой по светлым спутанным волосам, вышел из комнаты, тихонько прикрыв дверь.

Сейчас последний рывок до дома – и можно будет наконец отдохнуть. День рождения пережили, отец порадовался. Теперь его, Романа, совесть чиста. В прихожей Роман достал из кармана мобильник и посмотрел на экран. 2:18. И ни одного пропущенного. А он до последнего надеялся, что мать позвонит.

Из кухни раздался голос Жанны Эдуардовны:

– Роман, почему бы нам не выпить кофе? Вы выглядите так, будто он вам не мешает.

– С удовольствием, – откликнулся Роман и снял надетый было ботинок.

В уютной кухне пахло апельсинами и цикорием. Жанна Эдуардовна колдовала над тур- кой.

– Да вы садитесь, садитесь. Давайте без церемоний, – махнула она в сторону диванчика. – И как ваш праздник?

– Без жертв, – улыбнулся Роман, опускаясь на диван. Бабушка Юлы ему необъяснимо нравилась.

– Это славно. А позвольте спросить, отчего вы трезвы как стеклышко? В ваши-то юные годы прийти в таком виде с собственного совершеннолетия просто неприлично!

– Знаете, вы антибабушка, – поделился наблюдением Роман. – Бабушка наоборот.

– Не все, что говорит женщина, нужно воспринимать буквально, – рассмеялась Жанна Эдуардовна. – Алкоголь не красит в любом возрасте. Кстати, можно еще сказать «квазибабушка». Сможете найти синонимы?

Роман со стоном опустил голову на сложенные на столешнице руки и невнятно пробормотал:

– Псевдо? Хотя я не уверен.

– Получилось. Еще можно сказать «лже-».

– Пожалейте меня, Жанна Эдуардовна. Я, как вы выразились в прошлый раз, постигаю эту науку неустанно, неусыпно и... как там было еще?

Запах свежесваренного кофе заставил его поднять голову.

– Но говорите вы уже намного лучше, – заметила старая леди. – Как вам живется здесь?

Роман вздохнул и сжал переносицу. Жутко хотелось снять линзы.

– Скучаю, – наконец признался он. – Думал, будет проще. Сегодня проиграл викторину по старым советским фильмам.

– Ну, это позор, Роман Львович! Суший позор.

– Знаю, но – увы.

– А как отец? – сменила тему Жанна Эдуардовна, отпив кофе из маленькой фарфоровой чашки.

– Не знаю, – признался Роман, делая глоток восхитительного напитка. Так только мама умела варить. – Ему тоже, наверное, сложно. Но скучать ему некогда. Вон праздник мне организовал.

– Он праздник себе организовал, Роман. А вы это позволили.

– Но разве не в этом заключается помощь ближнему – сделать все, чтобы ему было хорошо?

– Но и о себе забывать не нужно.

Роман посмотрел в свою чашку. Жанна Эдуардовна была права, вот только беда в том, что сам он не знал, что ему нужно. Последние месяцы он просто плыл по течению и делал вид, что все отлично, потому что все силы уходило на то, чтобы приспособиться к языку, суматохе, новым людям. А еще здесь он почти каждый день видел Волкова, и каждая такая встреча была хождением по краю.

– А знаете что, Роман, оставайтесь-ка вы у нас.

Роман удивленно приподнял бровь и, копируя интонации Жанны Эдуардовны, воскликнул:

– Но позвольте, а как же приличия?

Смех Жанны Эдуардовны можно было записывать саундтреком и слушать, когда совсем тошно.

– У нас две гостевые, – отсмеявшись, игриво откликнулась бабушка Юлы, и Роман понял, что предложение не лишено привлекательности. Только нужно спуститься за очками в машину, чтобы снять наконец линзы.

Он уже собирался сообщить о своем решении остаться, когда телефон в кармане завибрировал. Роман выхватил трубку, решив, что мать все-таки вспомнила и позвонила, однако на экране высветился незнакомый номер российского оператора.

– Алло.

– Алло, здравствуйте, а... это Роман?

– Да, – произнес он, услышав смутно знакомый голос.

– Это Маша... Рябинина. Извини, что так поздно. Ты можешь говорить?

– Э... да. Что случилось?

Разморенный беседой, он даже не сразу смог собраться.

– У меня небольшая неприятность.

– Я чем могу помочь? – перебил он, потом понял, что это могло прозвучать невежливо, и поправился: – Я готов помочь. Что случилось?

Кажется, прозвучало еще хуже. Роман хлопнул себя ладонью по лбу и откинулся на спинку диванчика.

– Я кое-что забыла на вашей яхте. А меня теперь туда не пускают. Говорят, что без распоряжения хозяина запрещено. Ты не мог бы попросить меня пустить? Я ненадолго.

– Я приеду, – зачем-то сказал Роман, выбираясь из-за стола.

– Нет, что ты! Не стоит беспокоиться. Просто попроси меня пустить ненадолго. Я пройду там в сопровождении кого-нибудь. Ничего не случится. Обещаю.

– Я приеду, – повторил он и, нажав отбой, повернулся к гостеприимной хозяйке. – Простите, Жанна Эдуардовна. Там форс-мажор у яхты. Одногоруппница забыла что-то на борту. Пусть Юля позвонит, как проснется. Спасибо за кофе. Он волшебный.

– Я провожу вас, Роман, – едва заметно улыбнулась Жанна Эдуардовна.

Весь путь до причала его ощутимо потряхивало. То ли от кофе, то ли от недосыпа. Роман думал, что логичнее было бы позвонить отцу, тот бы связался с охраной и все уладил. Так было

бы правильно. Вместо этого Роман ехал в ночи на встречу с девушкой Волкова и старался не думать о последствиях.

Машу он увидел сразу. Та куталась в свой жакетик и пританцовывала на каблуках у ограждения причала. Роман заглушил мотор и выбрался из машины, с непонятым чувством вины думая о том, что заставил ее мерзнуть лишних двадцать минут, хотя мог не ехать сюда, а просто позвонить. Не факт, что охрана его послушала бы, но попробовать стоило.

– Привет, что случилось? – произнес Роман, не успев толком подумать, стащил с себя пиджак и протянул девушке.

Маша удивленно посмотрела сначала на пиджак, потом на него.

– Надень. Ты же замерзла.

– А ты? – спросила она, не делая попытки взять одежду.

– А я не стоял на холоде столько времени, – ответил Роман и, обойдя Машу, накинул пиджак ей на плечи, поверх блестящих в свете фонаря длинных волос. Маша тут же просунула руки в рукава и запахла. Пиджак был ей по колено.

– Так что случилось? – повторил Роман, а когда Маша подняла на него виноватый взгляд, понял, что сейчас ему скажут что-то неприятное.

– Димки не было в автобусе со всеми. Водитель сказал, что, кроме тебя и твоего отца, больше никто не уезжал.

Сердце Романа дернулось, как всегда случалось при упоминании Волкова.

– Ты ему звонила? – спросил он.

– А ты думаешь, я сразу бросилась звонить тебе? – огрызнулась Маша. – Он не берет трубку. Он... иногда так делает.

– А зачем ты хотела попасть на яхту? – вздохнул Роман, прикидывая, где им теперь искать Волкова и как бы избежать включения в поисковый отряд. Волков по-любому не будет в вос-торге.

– Ты меня слушал вообще? – воинственно переспросила Маша и еще плотнее запахла его пиджак.

Она едва доставала Роману до плеча даже на своих каблуках, но вид у нее был такой суровый, что он невольно улыбнулся.

– Что смешного? – прищурилась она, и ему пришлось закусить губу, потому что смотреть на маленькую и грозную Машу было вправду смешно.

– Прости, – попытавшись сохранить серьезное лицо, ответил он. – Просто, когда ты сказала, что что-то забыла на яхте, я не думал, что это что-то – Волков.

– Очень смешно, – буркнула Маша и сердито посмотрела на Романа.

Несколько секунд они просто смотрели друг на друга, а потом Маша закусила губу, чтобы не рассмеяться, и Роман, не выдержав, расхохотался. Маша зажала рот ладонью и еще какое-то время пыталась сохранить серьезное лицо, но тоже не выдержала. Наверное, они выглядели как два придурка, потому что ржали в третьем часу ночи на пустой пристани, и эхо их смеха отражалось от воды.

Отсмеявшись, Роман вдруг понял, что впервые за бесконечные минувшие сутки он вообще ни о чем не думал, а просто хохотал как ненормальный.

– Ладно. Пойдем выручать узника замка Иф, – произнес он и подал Маше руку, чтобы помочь перешагнуть через невысокое ограждение. Несколько секунд она смотрела на его ладонь, и Роман вспомнил, что сегодня они это уже проходили. Ну что же он, опять на те же грабли? Пока он лихорадочно придумывал, как с достоинством выйти из этой неловкой ситуации, Маша коснулась его ладони, и он автоматически сжал ее холодные пальцы. Перешагнув через цепь, Маша неловко отняла руку, и он подумал, что ему все-таки не стоило приезжать. Нужно было позвонить охране.

Их пустили на борт без вопросов. Отец собирался утром выходить на «Рене» с кем-то из своих друзей, поэтому яхта оставалась на ходу, а на борту ночевали два охранника. Один из них включил дежурное освещение, и Роман, взяв у него магнитный пропуск, уверенно повел Машу в нижние каюты по полутемным коридорам, потому что, если Волков и был на яхте, то оказаться мог только там. В других местах на него уже наткнулись бы.

Дойдя до гостевой каюты, Роман деликатно постучал, прежде чем воспользоваться ключом, а в ответ на вопросительный взгляд Маши пояснил:

– Даю ему шанс надеть штаны, – и тут же понял, что ляпнул, а главное – кому. – Прости. Я иногда очень неудачно шучу. Почти всегда на самом деле. Мама говорит, это у меня от отца.

Тут он замолчал, разозлившись на себя за то, что несет чушь.

– Ты тоже нервничаешь? – вдруг спросила Маша, и Роман повернулся к ней, не донеся магнитный ключ до прорези.

– А ты? – спросил он.

– Очень, – призналась Маша.

Роман отвел взгляд и, наконец воспользовавшись ключом, вынужденно признал:

– Я тоже.

Он решил, что подумает позже, почему в груди вдруг что-то дрогнуло.

В каюте никого не оказалось. Маша, словно не поверив ему на слово, вошла внутрь, прошла мимо кровати, заглянула в санузел и растерянно обернулась к Роману:

– А еще каюты есть?

Во второй гостевой Волкова тоже не оказалось, и Роман, уже зная, что никакого Волкова на борту нет, открыл для Маши мастер-каюту, но сам даже не стал заходить. Маша вошла, оглядела большую кровать, полки, задержалась взглядом на фотографии, которую Роман очень любил и не любил одновременно, и, коснувшись ручки санузла, спросила:

– Можно там посмотреть?

Роман молча кивнул.

В санузле Волкова предсказуемо не оказалось, и растерянная Маша присела на кровать.

– А что теперь делать? – спросила она и, вытащив ногу из туфли, болезненно поморщилась.

– Ты натерла ногу? – тут же отреагировал Роман, хотя понимал, что его это вообще не касается. Волкова касается, а его – нет.

– Неважно, – голос Маши звучал устало. – Ты... спасибо, что приехал. Извини, что я тебя в твой праздник дернула. От гостей оторвала.

Слово «гостей» она произнесла как-то по-особому, и Роман не был уверен, как должен отреагировать, поэтому, последовав Машиному примеру, решил сказать правду:

– Гостей не было. Бабушка Юлы предлагала переночевать у них, чтобы не ехать домой, но ты меня спасла. Потому что старая леди умеет уговаривать, а завтра мне было бы неловко.

Маша смотрела на него не отрываясь, а Роман отметил, что он опять несет что-то несусветное.

– Куда теперь? – спросил он, чтобы сменить тему.

Маша огляделась по сторонам и подскочила, поняв, что сидит на кровати.

– Ой, прости, пожалуйста, – пробормотала она, поправляя покрывало. – Я...

– Маша, – Роман напрягся от ее суетливых попыток привести все в порядок, – это вообще ерунда. Стюард завтра поправит, отец сам поправит, это неважно.

Он шагнул вглубь каюты, на ходу придумывая, что бы еще сказать, но Маша вдруг шарахнулась так, будто он собирался сделать что-то плохое, и затравленно огляделась.

– Маша, ты что? – Роман замер на месте. – Ты так выглядишь, будто я маньяк.

– А ты нет? – нервно спросила она, кутаясь в его пиджак.

– Пока за собой не замечал, – осторожно ответил он и предложил: – Идем?

Маша первой вылетела из каюты, будто он вправду мог что-то ей сделать. Может, Волков что-то ей наплел? Иначе с чего она так себя вела?

Дорогу назад Маша нашла сама. Ему оставалось лишь идти за ней, думая о том, где теперь искать чертова Волкова.

Из Машиной сумочки зазвучала вторая сюита Баха, и она со вздохом облегчения вытащила телефон.

– Где тебя носит, придурок? – прошипела она в трубку, оглянувшись через плечо на Романа. – Ой, доброй ночи, Сергей. Да?.. Хорошо... Спасибо, что позвонили. Нет-нет, я доберусь. Честное слово... Я сама завтра его убью, не марайте руки.

Нажав отбой, Маша выдохнула:

– Волкову не придется читать третью главу «Театра». Я его убью, порежу на мелкие части и... и... – она огляделась и решила: – скормлю чайкам. Хоть какая-то польза от его тупой башки!

Облегчение смешалось в Романа с удивлением. Маша злилась так непосредственно, что это немного сбивало с толку.

– Нашелся?

– Он дома! Представляешь? Телефон валяется в холле, а он вырубился, потому что нажрался. Сергей, его дядя, увидел от меня пропущенные и перезвонил.

Маша потеряла виски и, покачнувшись на каблуках, ойкнула.

– Так, – хлопнул в ладоши Роман, – поднимайся на верхнюю палубу. Я сейчас.

Роману нужна была пауза, впрочем, он понимал, что берет ее, просто чтобы прийти в себя, а не чтобы предотвратить бедствие.

– Вот сейчас ты похож на маньяка, – неловко пошутила Маша.

Роман лишь улыбнулся в ответ и решительно направился в салон, твердо намереваясь не думать о том, что он творит. Пусть раскаяние подождет. У него, в конце концов, был день рождения.

Спустя несколько минут он поднялся на палубу с подносом, на котором стояли два горячих контейнера с едой, пакет сока и ваза с шоколадом.

Маша, закутавшаяся в плед, стояла у борта и смотрела на него слегка удивленно.

– Не знаю, как ты, а я сегодня так и не поел толком, – признался он. – Волкова ведь уже не надо спасать, так?

Маша колебалась несколько секунд, и Роман почти хотел, чтобы она отказалась. Потому что он, кажется, был настроен творить ерунду, и последствия, неотвратимые и суровые, маячили на горизонте. Сам он остановиться уже не мог. Оставалось надеяться на Машу, но та, не оправдав его ожиданий, кивнула и направилась к диванчику.

– Хорошо, но только ты ответишь на несколько вопросов.

В ее тоне было столько непререкаемой уверенности, что он мысленно вздохнул, однако отступить было поздно:

– Идет. Только после еды.

Роман зажег пару свечей в фонарях, уселся в кресло напротив диванчика и закутался во второй плед, так и не попросив Машу вернуть его пиджак. Потом, поколебавшись, все же достал из кармана прихваченную из аптечки упаковку пластырей и антисептическую мазь. Те секунды, в течение которых Маша смотрела на него в восхищенном удивлении, были бесценными.

Пока они не спеша ели в уютной тишине, Роман поймал себя на мысли, что паршивый по всем параметрам день каким-то образом умудрился превратиться в почти идеальную ночь. Портила ее только внутренняя борьба, происходившая в самом Романа. С одной стороны, ему было необъяснимо хорошо и спокойно с Машей, с другой – он не мог отмахнуться от мысли,

что она – девушка Волкова и что, как бы ни было хорошо ему здесь и сейчас, завтра неминуемо наступит и принесет проблемы.

Забывшись, Роман задержал взгляд на Маше дольше допустимого. Она, заметив его внимание, отложила вилку и нервно поежилась. Роман тут же вспомнил о ее странном поведении в каюте.

– Маша, а можно сначала я спрошу? – решил он и, дождавшись ее кивка, произнес: – Почему ты так испугалась в каюте? Ты всерьез решила, что я что-то сделаю тебе?

Впервые кто-то заподозрил Романа в подобном, и оставить это без внимания он не мог. Маша довольно долго молчала, а потом совсем по-детски попросила:

– Только обещай, что никому не расскажешь.

– Обещаю, – откликнулся Роман, понимая, что, кажется, вляпывается по полной.

– Мне было тринадцать. У бабушкиных соседей в деревне гостил дядя Коля. Мерзкий такой. Он однажды пришел к нам, когда бабушки не было... – Маша замолчала, подбирая слова, а Роман поймал себя на том, что изо всех сил сжал стакан с соком. – Он попытался ко мне пристать. Нет-нет, не смотри так. Ничего не случилось. Я убежала. В окно выпрыгнула, прямо в куст ежевики – вся ободралась. Бабушка меня потом отругала за куст.

Маша замолчала и принялась крутить вилку, глядя на нее так, словно на зубцах было что-то написано, и она пыталась это прочесть в тусклом свете свечей.

– Ты ей не сказала? – Роман не узнал своего голоса.

– Я постеснялась. – Она подняла на него полный надежды взгляд, словно прося ее понять, но Роман помотал головой и, тут же спохватившись, заговорил:

– Я... не понимаю, почему постеснялась. Извини.

– Это очень стыдно. Ну, будто я сама виновата в том, что он полез. Он говорил, что я специально ношу такую короткую юбку... Еще говорил всякое. А я просто выросла резко, вот сарафан коротким и стал. Я на улицу в нем не выходила. Он меня через забор с соседнего участка увидел. Я никогда больше юбки не носила, – призналась Маша, вновь разглядывая вилку. – Сегодня в первый раз надела. У меня даже на выпускном костюме брючный был. И тут я в юбке, а ты вошел в комнату, и я...

– Господи, Маша! – Роман ошарашенно запустил пальцы в волосы. – Ты там в каюте решила, что дело снова в юбке, а не в том, что я могу оказаться?..

Он почувствовал, что у него не только руки трясутся – его самого колотило от злости.

– Ты не понимаешь, он сказал...

– Маша! – Романа будто сдуло с кресла. Зацепившийся за столик плед упал на палубу, а сам Роман опустился на корточки рядом с подлокотником дивана и посмотрел на девушку снизу вверх. – Ты не виновата в том, что какой-то урод что-то пытался с тобой сделать. Даже если бы ты ходила вообще без юбки! Это так не работает.

– Ты просто не маньяк и ничего в этом не понимаешь, – дрожащими губами улыбнулась Маша.

Роман зажмурился и помотал головой, не зная, что делать с ее откровенностью и со своей реакцией на нее. У него не было сестры, но он на миг представил себе, что кто-то мог бы обидеть Ляльку или Юлу, и у него перехватило дыхание.

– Ладно бабушке, но отцу ты почему не сказала? – спросил он, не в силах просто закрыть эту тему.

– Папа очень мягкий. Он никогда ни с кем не конфликтует. К тому же я думала, что дело правда в юбке.

– Отстань ты от юбки! – воскликнул он. – Каким бы мягким ни был твой папа, я уверен, он бы его убил. Ты же его. Никто не имеет права так с тобой...

– Боже, Крестовский, если у тебя будет дочь, ты, похоже, будешь отстреливать всех потенциальных бойфрендов на подходе к дому.

Роман закатил глаза, а потом на миг задумался о будущем и признал:

– Наверное. И она будет носить любые юбки, какие захочет, – назидательно поднял он палец.

Маша рассмеялась, и ее смех тоже можно было записывать как саундтрек. Ее левый верхний клык немного торчал вперед, выбиваясь из стройного ряда, и это выглядело неожиданно мило. Поймав себя на этой мысли, Роман разом опомнился и встал. Взъерошив волосы, он подобрал с палубы плед, начал было его складывать, но порыв ветра напомнил, для чего этот плед был ему нужен. Роман накинул его на плечи и наконец уселся в свое кресло.

– Спасибо тебе, – несмело улыбнулась Маша и снова попросила: – Только ты никому не говори, ладно? Об этом никто не знает.

– Даже Волков? – спросил Роман, подбравшись.

Маша помотала головой.

– Я не скажу. Обещаю, – откликнулся он, чувствуя себя неуютно оттого, что у них появился общий секрет.

– Спасибо, – снова улыбнулась Маша и без перехода спросила: – Ты правда давно знаком с Димкой? На той фотке в каюте твои и его родители?

Роман кивнул и, откинувшись на спинку кресла, посмотрел на звездное небо. Вот и закончились уютные посиделки.

– Наши родители дружили, – произнес он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

– И правда, что Димкина мама помогала твоему отцу с обустройством «Рене»?

Он снова кивнул, чувствуя, как на него волной накатывает тоска. Так бывало всегда, стоило вспомнить о родителях Волкова. Поэтому он и не вспоминал. Запретил себе вспоминать.

– Тетя Аня знала о яхтах все, – услышал он себя будто со стороны. – Она была дизайнером интерьеров и очень любила море. «Рене» – ее детище.

Роман продолжал смотреть на небо, потому что боялся, что стоит ему опустить голову, как слезы, щипавшие в носу, потекут. Зачем он начал об этом говорить? Словами ничего не изменишь и не вернешь. Не хватало еще позорно расплакаться перед девушкой Волкова. Мысль о том, что Маша – девушка Волкова, немного приглушила эмоции. Роман медленно вдохнул, выдохнул и, посмотрев на Машу, произнес ровным голосом:

– Нам пора.

На Машином лице отражалось такое сострадание, что в носу у него снова защипало.

– Что с ней случилось? – прошептала Маша, будто не слышала его слов.

– Их самолет разбился. Дядя Лёша сам его пилотировал. Тел так и не нашли. Так что они числятся без вести пропавшими, – зачем-то рассказал Роман, хотя собирался повторить, что им пора заканчивать посиделки.

На последних словах его голос предательски дрогнул, и он совсем не по-мужски шмыгнул носом, злясь на себя за то, что так расклеился. Не стоило затевать этот ужин, не стоило говорить с Машей, когда он едва себя контролирует от усталости.

– Но это означает, что они могли выжить? – детская надежда в голосе Маши окончательно взбесила.

– Не скажи этого Волкову! – резко произнес он. – Он три года этой идеей фикс всем мозги выносит.

Роман говорил нарочно грубо, будто не понимал Волкова, будто сам вел бы себя на его месте иначе.

Маша уловила перемену его настроения и, сняв с себя плед, аккуратно сложила его на подлокотнике дивана. Роман, продолжая злиться, собрал со стола контейнеры, выбросил все разом в оставленный официантом мусорный мешок и, отряхнув руки, наконец решился посмотреть на Машу. Он ожидал осуждения во взгляде, однако та смотрела печально.

– Что? – не выдержал Роман, понимая, что дело не в Маше. Он злился на себя за то, что устроил этот никому не нужный ужин, да еще наболтал всякого.

– Ты бы тоже их искал, если бы, не дай бог, оказался на месте Димки, – негромко произнесла Маша.

– Похоже на то, что у меня есть проблемы со здравым смыслом? – хмуро уточнил Роман, точно зная, каким был бы его ответ на этот вопрос.

– Похоже, что у тебя есть проблемы с Волковым, – спокойно ответила Маша и, сняв пиджак, протянула ему.

Роман молча надел пиджак, чувствуя, что к запаху духов Юлы теперь примешался запах Машиных.

На причале Маша сама перебралась через ограду и зашагала по дорожке в сторону припаркованных такси. Роман, засунув руки в карманы, молча брел следом и думал, что самое правильное, что он сейчас может сделать, – посадить ее в такси, поблагодарить за вечер, а завтра сделать вид, что ничего не случилось, но прекрасно понимал, что здравый смысл сегодня не будет услышан. Что-то не давало отпустить ее, не извинившись.

– Маша, – сдался он, догоняя девушку. «Девушку Волкова», – напомнил внутренний голос. – Подожди. Я тебя отвезу.

Маша обернулась так резко, что распущенные волосы взметнулись волной и закрутились вокруг ее плеч.

– Не стоит. Спасибо, что приехал, извини еще раз, что отвлекла. Забудь, пожалуйста, обо всем, что я сегодня наговорила. Не знаю, что на меня нашло.

Она заправила волосы за ухо, потеряла висок, будто у нее болела голова, и открыла было рот, чтобы что-то еще добавить, но потом передумала.

– Я не отпущу тебя одну, – настойчиво произнес он, подыскивая слова, чтобы убедить ее поехать с ним. Просто извиниться вдруг показалось глупым.

– Да ты тут вообще ничего не решаешь! – вздернула подбородок Маша, и Роман обрадовался: спорить легче, чем уговаривать.

– Так, я сейчас поведу себя как маньяк – засуну тебя в машину силой, – пригрозил он, обалдевая от собственной наглости.

– Я закричу.

– Охрана моего отца точно будет на моей стороне, – улыбнулся Роман. Внутри все дрожало от азарта.

– Боже, как это низко – прикрываться папочкой, – сложила руки на груди Маша.

– *À la guerre, comme à la guerre*, – довольно сообщил он и примирительно добавил: – Правда, поехали.

Маша смерила его нечитаемым взглядом, но все же пошла к его машине.

Заведя мотор, Роман обреченно подумал, что он сегодня почти разнылся на ее глазах, наговорил чуши, а вот сейчас блеснет своими водительским навыками. Да Волков его еще благодарить после такого должен.

– Мы поедem очень медленно, – предупредил Роман, выезжая с парковки.

– Почему? – с подозрением спросила Маша.

– Потому что я сел за руль только позавчера, – пояснил он, намеренно не глядя в ее сторону.

– Ты не умеешь водить? – схватившись за ручку над головой, пискнула Маша.

– Я водил в Англии. Но здесь же движение правостороннее.

– А со скольких лет водят в Англии? – в голосе Маши все еще слышалось подозрение.

– Скутеры и мелкую технику – с четырнадцати, а машину самостоятельно – с семнадцати.

Я права год назад получил и водил там, пока сюда не переехал. Мне первое время здесь даже на пассажирском сиденье глаза закрыть хотелось, – неожиданно для самого себя признался он.

Некоторое время в машине царила тишина, а потом Маша, выпустив наконец ручку, спросила:

– Тебе сложно здесь?

Он бросил на нее быстрый взгляд. Она смотрела внимательно, изучающе, и он как-то сразу забыл, почему им не стоит общаться.

– Немного. Мне в универе сложно. Многие термины иногда не сразу понимаю. Ну и вообще бывает... Вон в викторине почти ни одну цитату не узнал.

– Но ты ведь хорошо говоришь по-русски, – поделилась наблюдением Маша. – Я на семинарах заметила. Ты всегда очень внятно отвечаешь. И мысли формулируешь хорошо. Иногда бывает, что строишь предложения слишком буквально, но очень редко.

Сердце Романа неожиданно зачастило. Ему почему-то не приходило в голову, что девушка Волкова могла наблюдать за ним все эти месяцы и так много успела увидеть. В мозгу вновь зажглась сигнальная лампочка. Роман бросил на Машу быстрый взгляд и понял, что от него требуется ответ. Тщательно следя за тем, что говорит, он сухо произнес:

– Отец всегда говорил со мной только на русском. И у меня были русские няни.

Маша, кажется, поняла, что он хочет покончить с разговором, потому что молча вытащила из сумочки мобильник и погрузилась в дебри «ВКонтакте». На светофоре Роман бросил на нее взгляд, но лица не увидел: его скрывали распущенные волосы. Тогда Роман посмотрел на ее тонкие пальцы, скользившие по экрану, и подумал о том, что Маша Рябинина, наверное, играет на каком-нибудь инструменте. В пользу этого говорил ее рингтон – сюита Баха. Роман тоже несколько лет занимался музыкой и сейчас старался изо всех сил думать о тех беззаботных годах, когда миссис Фэнкл три раза в неделю давала ему уроки. Эти мысли были безопасными.

У многоэтажки в спальном районе свободного парковочного места не оказалось, и Роман задумался, уместно ли бросить машину с включенной аварийкой посреди двора, чтобы проводить Машу. Нарушает ли это закон?

Маша интерпретировала его задумчивость по-своему. Выпорхнув из остановившейся машины, она бросила напоследок: «Спасибо». Роман понимал, что отпустить девушку ночью одну в исписанный граффити подъезд – верх идиотизма, но дверь уже мигнула кодовым замком и закрылась за Машей. Роман потер лицо и подумал, что не отказался бы от возможности стереть последние несколько часов из памяти.

Глава 3

Сколько таких нас, нелепых и ранних?

В голове уместился средних размеров колокол, а во рту было как в кедах. Димка на ощупь попытался дотянуться до будильника, но вместо этого смахнул с тумбочки книгу и стакан с водой. Будильник орал, колокол в голове ему вторил, в лицо из-за незадернутой шторы светило солнце.

– Заткнись, – хрипло прошептал Димка, но будильник, понятное дело, не послушался.

Димка засунул голову под подушку, но это не помогло. Тошнило, хотелось пить и почему-то плакать. Кто-то сдернул с его головы подушку, и Димка понял, что в комнате тихо. Какой-то добрый ангел вырубил наконец проклятый будильник.

– Вставайте, граф, вас ждут великие дела! – произнес Сергей тоном, не предвещавшим ничего хорошего.

– Пять минут, – проскрипел Димка.

– Подъем!

– Три.

– Одна, и я скидываю тебя с кровати.

Димка представил, как встряхнутся при этом его бедные мозги, и его замутило с новой силой. Стараясь не делать резких движений, он встал на четвереньки, потом сел на кровати и свесил ноги, только теперь заметив, что он до сих пор в брюках и рубашке.

– Красавец, – поделился наблюдением Сергей.

Димка поморщился и поднял наконец взгляд на дядю. Сергей был в домашних джинсах и растянутой футболке и выглядел так, будто не спал всю ночь.

– Ругать будешь? – обреченно спросил Димка, прикидывая, одолеет ли он путь до ванной или лучше попросить дядю принести тазик.

Сергей на самом деле добрый. Просто задолбался с ними.

– Сначала аспирин или побежишь? – Дядя указал на дверь ванной красноречивым взглядом.

Димка посмотрел на пол, где в луже воды из чудом не разбившегося стакана мок «Театр» Моэма, и грустно выдохнул:

– Побегу.

Добежать, а точнее, почти доползти, до ванной он успел. Благо ванная у него была отдельная. Отлепившись от унитаза и посмотрев на свое отражение в зеркале, Димка пообещал себе, что никогда больше... Так же и сдохнуть можно. Кое-как приняв душ и замотавшись в большое полотенце, он вернулся в комнату, надеясь, что там уже нет ни Сергея, ни стакана, ни «Театра», главу которого ему надо прочесть к завтрашнему уроку. Мысль о главе засела в мозгу намертво.

Не повезло. Дядя стоял в комнате спиной к нему, глядя в окно. Вода все так же блестела на полу, «Театр» все так же в ней плавал. Даже если Сергей принес аспирин, запить его теперь все равно нечем, а значит, придется тащиться на кухню. Глядя на прямую спину Сергея, Димка понял, что день сегодня будет не из легких.

– Беспорядок убери. – Сергей повернулся к нему и кивком указал на пол.

Димка вздохнул и, стараясь не растряссти последние мозги, поплелся в ванную за тряпкой. Кое-как вытерев пол и пристроив Моэма на подоконник, Димка бросил тряпку в открытую дверь ванной. Сергей проследил за ее полетом, но ничего не сказал. Димка со стоном опустился на кровать, мечтая о таблетке от головной боли.

– Что это вчера было? – спросил Сергей, и Димка обхватил себя за плечи.

Он так толком и не вытерся, и теперь сидеть в одном полотенце было холодно.

– Выпил немного, – буркнул он, не поднимая головы.

– Немного?

– Я не рассчитал.

– Не рассчитал?! – Сергей наконец заорал, и Димка еле удержался от того, чтобы зажать уши. В висках запульсировало с удвоенной силой.

Он хотел заорать в ответ, но понял, что голова ему этого не простит, поэтому просто посмотрел на дядю исподлобья, собираясь напомнить, что он вообще-то совершеннолетний и может в любую минуту отсюда съехать. Однако стоило ему посмотреть на Сергея, как желание орать пропало окончательно. Сергей сжимал в кулаке занавеску, и на его шее пульсировала жилка. Димка разом вспомнил, что он давал обещание не пить и дяде, и Машке и что ожидаемо его нарушил, вспомнил, сколько еще таких данных Сергею обещаний он также не выполнил, и в его душе зашевелился стыд.

– Этого не повторится, – пробормотал он.

Сергей рассмеялся громко и неестественно, а потом выпустил штору и, подойдя к креслу, скинул с него сваленные в кучу толстовку, спортивные штаны и почему-то один кед. Опустившись в кресло, Сергей уперся локтями в колени и обхватил голову руками. В Димке поднялась новая волна стыда, когда дядя сказал:

– Как же меня это все достало, Дим. Я ведь, дурак, думал, что тебе стукнет восемнадцать, и вся эта блажь пройдет, что ты поймешь: ничего не изменится оттого, что ты будешь пить, нюхать какую-то дрянь...

– Я не нюхаю, – подал голос Димка.

– И то хлеб, – вздохнул Сергей, хотя Димке почему-то показалось, что дядя не поверил.

– Я правда не нюхаю. И пить вчера не собирался. Просто на... на «Рене» праздновали, и я что-то...

Сергей поднял голову и несколько секунд внимательно на него смотрел, а потом резко поднялся и, на ходу вытаскивая телефон из заднего кармана джинсов, молча вышел из комнаты. Димка, придерживая полотенце, направился за ним.

Сергей сбежал по ступенькам вниз, а Димка притаился на лестнице, прислушиваясь к приглушенному голосу дяди.

– Лев, это я. И тебе. Объясни мне, мил человек, какого черта ты потащил Димку на яхту? В Москве ресторанов мало?

Какое-то время стояла тишина, а потом Сергей заорал в трубку так, что Димка подскочил от неожиданности:

– Тебя кто-то просил, психолог ты недоделанный?! Не вздумай больше его дергать никуда, понятно? Я не горячусь! Знаешь, что можешь сделать со своими извинениями?!

Наступила тишина. Димка стоял на верхней ступени, переминаясь с ноги на ногу, и думал о том, что Сергей невероятно крут. Он и предположить не мог, что кто-то способен так орать на дядю Лёву, и еще ему было необъяснимо приятно, что Сергей, который, казалось, совсем его не понимает, может так наехать на кого-то, защищая его. Как будто он нужен, как будто Сергей не вздохнул бы с облегчением, если бы пьяный Димка свалился за борт и освободил его наконец от своего присутствия. Димке вдруг стало тошно от себя самого. У Крестовского днюхи на яхте, машина и длинноногая Шилова под боком, а у него из хорошего только Машка, и та, похоже... Додумывать мысль было очень неприятно, поэтому Димка поплелся одеваться и разыскивать аспирин.

Дядя сидел на кухне и пил кофе, будто ничего не произошло. Перед ним была развернута газета с кроссвордом, а рядом лежал мобильный, светящийся беззвучным сигналом вызова. С экрана улыбался Лев Крестовский.

– То, что должно появиться у человека, достигшего совершеннолетия, – объявил Сергей, глядя в газету. – Четырнадцать букв. Первая «о», вторая «т».

– Такое в кроссвордах не печатают, – сказал Димка и, пройдя мимо большого обеденного стола, достал из холодильника минералку. Сделав глоток, он посмотрел на сидевшего теперь к нему спиной Сергея. – Ответственность.

– Угадал, – ответил тот и что-то вписал в газету.

Телефон продолжал беззвучно светиться входящим вызовом.

– Ты так на дядю Лёву орал, что я тебя прямо зауважал, – бухнул Димка.

– А до этого типа не уважал? – тут же откликнулся Сергей и снова что-то вписал в газету.

Димка промолчал, потому что благодарить дядю за то, что тот из-за него на кого-то наорал, и не просто на кого-то там, а на самого Крестовского, было тупо. Да и не смог бы он выразить это словами. У него всегда какая-то ерунда из слов выходила. Во всяком случае, Сергей его никогда не понимал.

– Завтракать будешь? – спросил Сергей.

При мысли о завтраке отступившая было тошнота напомнила о себе.

– Не. Чё-то я как-то сыт.

– Ну и круто, – хлопнул по столу газетой Сергей, потом посмотрел на мобильник и выключил его совсем. – У тебя десять минут на сборы, – объявил дядя и вышел из кухни, оставив на столе безжизненный телефон.

– На какие сборы? – заорал ему вслед Димка, и голова тут же взорвалась болью.

Сергей не ответил, Димка же решил, что сейчас главное – найти таблетку от головной боли, все остальное – потом.

Через десять минут он тихо сидел в своей комнате и ждал, когда подействует аспирин, гадая, куда он должен был собраться. Сергей дал ему дополнительные пять минут, а потом вошел в комнату, предварительно громко стукнув по косяку. Димка поморщился.

– Ты идешь так? – невозмутимо уточнил Сергей, кивая на Димкины домашние шорты и голый торс.

– Я ваще никуда не иду, – на всякий случай огрызнулся Димка, хотя ему все еще было стыдно.

– Сегодня девятое, – Сергей пока проявлял терпение и даже подобие сочувствия его состоянию: говорил вполголоса.

– И? – попробовал побузить Димка, хотя уже понял, что это бесполезно.

Лялькин психолог обязал его и Сергея устраивать семейные выходы не реже раза в месяц, чтобы выдергивать сестру из виртуальной реальности и возвращать в мир живых людей. Димка тогда решил, что идея тухлая, потому что заставить пятнадцатилетнего подростка что-то делать против воли невозможно, но Сергей был непреклонен. Иногда он умел так вынести мозги, что в конце концов даже социофоб Лялька согласилась на два дня в месяц и сама определила даты: девятое и двадцать девятое. Видимо, чтобы соскакать с одной обязательки в феврале. В этот раз они собирались в кино и пиццерию, и Димка заранее страдал, понимая, что его башка в кинотеатре просто треснет.

– Меня стошнит сначала в кинотеатре, а потом в пиццерии, – хмуро сообщил он, разглядывая свои босые ступни.

– Наверняка, – согласился Сергей. – Именно поэтому не стоило вчера нажираться.

Димка потер лицо ладонями. Головная боль начала потихоньку отпускать.

– Почему ты сказал, что дядю Лёву не просили? Он что, специально меня пригласил на «Рене»?

Сергей ответил не сразу, и Димка поднял на него взгляд. В джинсах и толстовке Сергей выглядел моложе, чем в деловом костюме. Димка вдруг вспомнил, что дяде всего тридцать один. Как же тупо тот влип, когда на его голову свалились два депрессивных подростка. Эта мысль примиряла его с тем, что Сергей иногда орал и требовал от него соблюдения правил, которые Димке очень хотелось нарушать. Несколько раз в месяц Димка орал, что съедет. Сер-

гей орал в ответ, что он может валить на все четыре стороны, а через полчаса они уже могли вполне мирно обсуждать новый фильм или компьютерную игрушку. Димка никогда не извинялся. Сергей никогда этого не требовал. Требовал убирать в комнате, хотя у них была домработница, требовал ходить в универ и не доводить до хвостов, требовал посещать психолога и не пить. Димка игнорировал половину требований, решив, что его чувство вины перед Сергеем за то, что на того свалился не только бизнес отца, но и племянники, уже ничем не усугубишь. Но в такие дни, как сегодня, он понимал, что ошибался.

– Лев хотел тебя... адаптировать, – наконец произнес Сергей, и Димка удивленно поднял брови.

– Чего?

– Ты не знаешь слово «адаптировать»?

Димка смерил Сергея взглядом, давая понять, что думает о его остротах. На Сергея это, разумеется, не произвело никакого впечатления.

– Он тоже о тебе заботится, – помолчав, произнес Сергей. – Никому из нас не нравится то, куда ты катишься.

– А куда я качусь? – тут же окрысился Димка.

– А сам как думаешь, к чему приведет то, что ты сейчас делаешь? Если тебя выгонят из универа, ни о каком управлении отцовским бизнесом речи идти не будет. Если ты будешь...

– А ты и рад будешь? – перебил Димка.

– В смысле? – прищурился Сергей.

– Ну, деньги у тебя останутся. Сколько назначит совет директоров на содержание меня, убогого, стольким и откупишься, да? – Димка на самом деле так не думал, но он терпеть не мог, когда Сергей учил его жизни.

Сергей посмотрел на Димку долгим взглядом, и Димка приготовился услышать крик или язвительное замечание, потому что он вправду зарвался, однако дядя молча вышел из комнаты, хлопнув ладонью по косяку. Димка слышал, как он стучит в Лялькину дверь, слышал, как они над чем-то смеются. Голоса переместились вниз, и Димка раздраженно направился к шкафу с одеждой.

Когда он сбежал по лестнице, стараясь не морщиться от так и не прошедшей до конца головной боли, дядя с сестрой уже обулись и, ожидая его, обсуждали какую-то мангу. Димка невольно обалдел, когда понял, что Сергей однозначно в теме: он не просто знал персонажей по именам, сейчас они спорили о концовке какого-то эпизода. Димка молча шнуrowал кеды, чувствуя себя неуютно оттого, что на него никто не обращает внимания. Лялька, видимо, была в курсе его вчерашней выходки, поэтому дулась. Сергей, против своего обыкновения, тоже делал вид, что Димки нет. Неужели вправду обиделся на в сердцах брошенное замечание?

В висевшем на стене зеркале отражалась часть кухни. Бросив на него взгляд, Димка увидел телефон Сергея, выделявшийся на светлой столешнице черным пятном.

– Ты мобильник забыл, – буркнул Димка, желая пойти на мировую.

– Он мне не нужен, – ровным голосом ответил Сергей и вышел на крыльцо.

Лялька вышла за ним, вставляя наушники в уши и врубая плеер.

Ну и подумаешь! Нежные все, караул.

Андрей довез их до торгово-развлекательного центра. При этом был он, как всегда, молчалив и незаметен. Поскольку сидевший на переднем сиденье Сергей тоже сегодня общаться не желал, а Лялька слушала музыку, ехали в унылой тишине, чему Димка отчасти даже радовался: был шанс накопить силы перед кинозалом.

Однако оказалось, что Лялька передумала и они идут в океанариум. Сергей идею поддержал, а Димку никто не спросил. Они неторопливо бродили по океанариуму, и, кажется, какое-то подобие удовольствия получала только Лялька. Сергей молча шел за ней, думая о чем-то своем, Димка тащился последним, морщась от каждого восторженного писка юных океаноло-

гов, с диким топотом носившихся вокруг. Лялька добрела до бассейна с акулами и застыла у бортика. Димка посмотрел на нее и вдруг понял, что, смыв наконец черную краску с волос, Лялька стала невыносимо похожа на маму: те же светлые прямые волосы, тот же тонкий с горбинкой нос, бледные губы и серо-зеленые глаза. Только мама много смеялась, Лялькин же искренний смех он слышал в последний раз очень давно. Димка вспомнил, что сегодня утром ему хотелось плакать. И понял почему. Вчера он так отчетливо увидел перед мысленным взором маму на ее любимом коктейльном диванчике на «Рене», что возвращение в сегодня было очень... страшным? Болезненным? Димка не знал, каким словом это описать. Просто казалось, что из него вдруг выдернули позвоночник, а потом вставили обратно кое-как. Он даже дышал с трудом, и похмелье здесь было совершенно ни при чем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.